

УДК 82

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЯЗЫКА В СОВЕТСКОМ МЕНТАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛА «БЫТИЕ К СМЕРТИ» (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ А. ПЛАТОНОВА)

О.А. Глушенкова

Аннотация

Проблема и цель данного исследования заключаются в необходимости анализа языковых особенностей текстов А. Платонова через утопическую проблематику преодоления смерти посредством деконструкции языка. Языковая деконструкция в преодолении смерти рассматривается в контексте экзистенциала М. Хайдеггера «Бытие к смерти». Связь А. Платонова с М. Хайдеггером обозначает М. Эпштейн в статье «Язык бытия у Андрея Платонова» [Эпштейн, 2006], подчеркивая, что именно хайдеггерианская метафизика, а не учение Н. Федорова наиболее полно способна определить интенции платоновских текстов.

Методологию исследования составляет метод контекстуального анализа и деконструкции.

Результаты. В текстах А. Платонова проявляется тенденция к объективации субъекта деятельности от ее материального осуществления, бытия-переживания и процесса умирания. Отрицание личного «присутствия» героев при собственном умирании, отказ от участия в процессе позволяют говорить о парадоксальности нереализации основного экзистенциала человеческого существования, посредством которого определяется бытие, – экзистенциала «Бытие к смерти» [Хайдеггер, 1997]. Таким образом, отказ от его реализации не только позволяет преодолеть смерть как единственно личное переживание, но и создает проблему симуляционности бытия в пространстве платоновского текста, что открывает путь дальнейшим исследованиям в данной области.

Заключение. Утопическая интенция к преодолению смерти в текстах А. Платонова реализуется не только через сюжет, что характерно для ранних рассказов, но и через структуру языка, что особенно ярко показано в тексте «Котлована» [Платонов, 1990]. Деконструкция языка писателя и анализ текста через популярные в начале XX века экзистенциалы (в данном случае – экзистенциал «Бытие к смерти») позволяют по-новому взглянуть на произведения А. Платонова и репрезентируемую им действительность политически неоднозначных сегодня 20–30-х годов XX столетия.

Ключевые слова: А. Платонов, М. Хайдеггер, СССР, деконструкция, «Бытие к смерти».

Проблема и цель данного исследования заключается в необходимости анализа языковых особенностей текстов А. Платонова через утопическую проблематику преодоления смерти посредством деконструкции языка. Фундаментальная значимость языка для определения бытия очевидна: наиболее точно она сформулирована М. Хайдеггером в его высказывании «Язык – это дом бытия» [Хайдеггер, 2001]. Через язык бытие определяется человеком, явления воспринимаются в тех или иных формах с различными коннотациями. Неудивительно, что смена важной части бытия – объективной действительности – влечет за собой трансформацию языка, как следствие – изменение действительности уже субъек-

ективной, другой важной части бытия. Стоит отметить, что связь язык-бытие не односторонняя, язык последовательно влияет на бытие через трансформацию уже действительности субъективной, что становится особенно актуально именно в 20-е годы в свете задачи воспитания нового человека для нового общества и государства, ментальное пространство которого претерпевает существенные изменения.

Период 20-х годов в СССР характеризуется радикальной сменой мировоззрения: отделением церкви от государства, программой Ликбеза, политической пропагандой новой государственности. В ментальном пространстве советского государства существенные изменения претерпел язык, столкнувшийся с множеством новых явлений. Сохранившиеся до 40-х годов интернационалистические тенденции в идее мировой революции также способствовали трансформации языка уже в контексте отказа от описания явлений национального характера – к вненациональному – без границ, интернациональному.

В политических тезисах, помимо коммунизма как советской власти и электрификации страны, звучат призывы накормить народ – Гражданская война, связанный с ней массовый голод ставят на повестку дня проблему физического выживания. В данном контексте – радикальное изменение политического курса, построение коммунистической утопии, обыденность смерти из-за голода и войны, – актуализируется проблема нового языка. А. Платонов репрезентирует новую действительность советскими канцеляризмами, с одной стороны, и выстраивает особое отношение к смерти путем объективации процесса умирания – с другой [Ковтун, Проскурина, Васильев, 2009].

Методологию исследования составляют сравнительно-исторический метод и метод деконструкции. Язык в текстах Платонова подвергается деконструкции – разрушению привычной грамматики, дестабилизации смыслов, происходит разрыв означающего и означаемого, открываются новые смыслы в описании привычных ситуаций, которые за счет речи персонажей выглядят абсурдно: «– *Прощай, – сказал ему Сафронов, – ты теперь как передовой ангел от рабочего состава, ввиду вознесения его в служебные учреждения...*» [Платонов, 1990]. В данном фрагменте из повести «Котлован» происходит объединение двух ментальностей: христианской – понятия «ангел» и «вознесение» – и новой, пролетарской – понятия передовиков, «служебных учреждений», что порождает комичный эффект. Деконструкция проявляется в дестабилизации традиционных ценностей – христианских – и непринятии структуры новых ценностей – за счет их перевода в контекст старых, происходит слияние двух пространств с сохранением каждой своей идентичности, что и рождает эффект абсурда. Данный пример представляет деконструкцию контекста, которая и открывает бесконечное множество контекстов других.

Период 20-х характерен стремлениями к построению нового общества. А. Луначарский делает доклад о новом человеке, поставив задачу воспитания новой личности перед молодой советской педагогикой. Крупская дирижирует исходом женщин из кухонного рабства [Ковтун, 2009] под аккомпанемент «новой мо-

рали» А. Коллонтай [Коллонтай, 1919], Е. Ярославский же тяжелой артиллерией «Безбожника» бьет по религии во имя борьбы за социализм. Этот период слияния воображаемого и символического готовит почву для действительности реального, которая будет реализована в 30-е. До тех пор «реальным» 20-х годов будет проза Гражданской войны, голода и смерти.

С подчеркнутой телесностью, «болеющие животом» герои в текстах писателя часто балансируют на грани жизни – удержания себя в изможденном теле – и смерти. При этом тело их, как правило, изувечено / измождено во времена, когда не было Советской власти. В рассказе «Родина электричества» главный герой во время крестного хода встречает старуху: «...на старухе немного осталось живого вещества, пригодного для смерти, для гниения в земле» [Платонов, 1990]. Старуха истощена во времена несправедливости, как думает главный герой, решивший посвятить ей жизнь как символу, жертве капитализма. Категория же людей, которым в новом обществе не место, выглядят принципиально иначе: они сыты, откормлены и пугливы, потому что боятся лишиться благополучия. Казалось бы, в своей телесной полноте они далеки от смерти хотя бы потому, что постоянно едят: «Муж Татьяны Васильевны опять ел за столом свой ужин» [Платонов, 1990], «В кабинет Пашикина вошла его супруга — с красными губами, жующими мясо» [Платонов, 1990], «...Нур-Мухаммед ...много ел риса, мяса и фруктов» [Платонов, 2010]. Однако при всем различии телесного истощения и повреждений в минувшие времена, политический статус персонажей выходит на второй план: умирают как бедняки и дети, для которых строится новое общество, так и бесплодный («у них не любят дети рождаться» [Платонов, 1990]) класс мещан и буржуазии.

Отношение к смерти, к самому процессу умирания у людей прошлого и людей будущего фактически не различается. Герои не испытывают агонии, не молят о пощаде, часто даже не противятся своей участи: в отношении смерти персонажи А. Платонова представлены закоренелыми фаталистами. Копенкин из «Чевенгура» просто ложится лицом вниз, будто на отдых, кулаки в «Котловане» спокойно заходят на плот, который обречен. Смерть не осуществляет идеологических различий в пространстве текстов А. Платонова, однако проблема смертности, не только насильственной или от голода, но и естественной поднимается в текстах: новый человек, пролетарий и бедняк умирать не должен: «А зачем им тогда гробы? Умирать должны одни буржуи, а бедные нет!» [Платонов, 1990].

В связи с этим вспоминается концепция Н. Федорова о «воскрешении отцов» и с общей целью борьбы со смертью, с которой писатель действительно был знаком. Подчеркнем, А. Платонов не остается в рамках федоровской традиции преодоления смерти. В «Котловане» происходит диалог, указывающий на ограниченность идеи буквального воскрешения, более того, преодоления идеи первого космиста: «Прушевский! Сумеют или нет успехи высшей науки воскресить назад сопревших людей? – Нет, – сказал Прушевский. – Врешь, Марксизм все сумеет. Отчего ж тогда Ленин в Москве целым лежит? Он науку ждет — воскреснуть хочет» [Платонов, 1990].

Для понимания сложных отношений А. Платонова с идеей смерти и ее преодоления уместна концепция другого мыслителя – М. Хайдеггера, парадоксальное сходство с которым отмечает еще М. Эпштейн, говоря об особой метафизичности А. Платонова и поэтичности, лингвоцентричности немецкого философа. А. Платонова и Хайдеггера объединяют особый язык и цель построения подобного языка: это основной вопрос, занимавший обоих мыслителей, который оказывается «над идеологическим» – об отношении человека и бытия.

Именно новизна языка роднит Платонова с М. Хайдеггером, технически отточившим немецкие слова, необходимые для постановки вопроса о бытии, небытии и существовании, замкнув их, таким образом, на философской проблеме, «сконструированный» язык не является разговорным. Слова же А. Платонова нарочито исковерканы, текст изобилует советскими канцеляризмами, автор производит стилистическую чехарду, заставляя председателя сельсовета говорить стихами, маленьких детей – штампованными фразами из брошюры по политграмотности, а простых мужиков – философствовать и вопрошать.

Немецкий философ разрабатывает новый язык, в который включает экзистенциал для определения бытия – это «Бытие к смерти» [Хайдеггер, 1997]. Данный экзистенциал представлен М. Хайдеггером как единственное действительно личное переживание заброшенности перед лицом смерти. Ужас заброшенности характеризуется отсутствием объекта, так как смерть не представляет собой объект, а только естественность существования, экзистенцию любого человека. Таким образом, смерть есть самое «личное», что в контрасте позволяет определить объективное, действительное, бытие. Именно смерть через «Dasein» демонстрирует тотальность временности как характеристики человеческого бытия.

Язык А. Платонова выстраивает новое пространство, основанное на уменьшении и объективации личных переживаний героев – либо их отсутствию, либо, в отдельных случаях, путем расчленения существа героя и его ума – пространства, где происходит переживание. Пример с землекопом Чиклиным из «Котлована», узнавшим, что девочка Настя, бывшая рабочим, вместо политических лозунгов, объектом заботы и вдохновения, умерла. Чиклин принимается копать землю, пытаясь занять свое тело: *«В этих действиях он хотел забыть сейчас свой ум, а ум его неподвижно думал, что Настя умерла»* [Платонов, 1990].

А. Платонов избегает личного обращения и переживания, бытия героев. Пример из «Котлована» описания инженера Прушевского: *«И решив скончаться, он лег в кровать и заснул со счастьем равнодушия к жизни»* [Платонов, 1990]. Предложение построено по принципу несвязанности инфинитива смерти – «скончаться» с действительным субъектом смерти. Писатель объективирует процесс умирания, более того, в данном примере демонстрируя его как выбор и волю субъекта – «решив скончаться».

«Котлован» начинается с увольнения одного из протагонистов – Вощева, которому было тридцать лет, далее следует ставшая уже классической фраза: «В день тридцатилетия личной жизни Вощеву дали расчет с небольшого механическо-

го завода, где он добывал средства для своего существования» [Платонов, 1990]. Выражение «в день тридцатилетия» не относится напрямую к носителю тридцати лет, в отличие от более подходящей фразы «Вощеву было тридцать лет», где присутствует глагол «быть», означающий прямую экзистенцию к объекту, Вощеву. Разрыв экзистенции в субъект-объектных отношениях, более того, внутри самого героя, который таким образом лишается своих сущностных свойств (30 лет у Вощева, ум Чиклина), приводит к выстраиванию символического пространства с нарочитым отсутствием процессуальной экзистенции субъекта.

Результаты. Отсутствие обыкновенного для литературных текстов бытия-переживания представляется писателю не только в объективации по отношению к деятельности субъектов. Процесс бытия присутствует, но намеренно выделяется, например: «– Ты зачем здесь ходишь и существуешь? – Я здесь не существую, Я только думаю здесь» [Платонов, 1990]. Деконструируя язык путем объективации переживаний, А. Платонов не просто ликвидирует личное, например: «– Зачем же он был? – Не быть он боялся» [Платонов, 1990], но и преобразует таким образом личное в общественное, преодолевая в контексте экзистенциала «бытия смерти» принципиально личностный опыт смерти, а значит, и саму смерть, ее процесс – умирание. Подобная практика применяется в религиозных дискурсах, основанных на идее подобия человека Богу как создателю всего сущего, а значит – и включенности человека в это сущее, его неуязвимости и бессмертия. Подобный опыт кажется на первый взгляд мистическим, но А. Платонов воплощает принцип «Смерти нет!» в рамках языка. Смерть представляет собой культурный феномен, основанный на явлении утраты для человека, если происходит гибель другого, и глубоко личное переживание, окончание которого невозможно обозначить, если явление гибели постигает самого человека.

Заключение. Таким образом, писатель преодолевает смерть через деконструкцию языка, внутри самого языка – путем преобразования личного в общественное, ликвидировав единственный принципиально личный опыт, который позволяет человеку объективировать сущее – опыт переживания смерти в трактовке М. Хайдеггера – экзистенциал «бытие к смерти».

Библиографический список

1. Брель С. Культурные контексты поэтики «живого» – «неживого» А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: Наследие, 2000. Вып. 4. С. 239–245.
2. Ковтун Н.В., Проскурина Е.Н., Васильев И.Е. Проект переустройства мира и русская проза начала XX века (А. Богданов и А. Платонов) // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2. С. 129–140.
3. Ковтун Н.В. «Семейный вопрос» в советской литературе 1920–1930-х годов // Универсалии культуры. Вып. 2: Философия – эстетика – литература: дискурс и текст: сб. науч. тр. Красноярск: СФУ, 2009. С. 174–182.
4. Коллонтай А.М. Новая мораль и рабочий класс. М.: ВЦИК, 1919.
5. Платонов А.П. Государственный житель: проза, ранние сочинения, письма. Минск: Мастацкая літаратура, 1990.

6. Платонов А.П. Джан. М.: Директ-медиа, 2010.
7. Платонов А. Песчаная учительница. М.: Современник, 1990.
8. Федоров Н.Ф. Из материалов к третьему тому «Философии общего дела» // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 133–182.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Изд-во Ad Marginem, 1997. 452 с.
10. Хайдеггер М. Вопрос о технике / пер. с нем. В.В. Бибихина // Время и бытие. С. 221–238.
11. Хайдеггер М. Время картины мира / пер. с нем. В.В. Бибихина // Время и бытие. С. 41–63.
12. Хайдеггер М. Исток художественного творения / пер. с нем. А.В. Михайлова // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993.
13. Хайдеггер М. Мой путь в феноменологию / пер. с нем. В.В. Анашвили // Логос. 1995. № 6. С. 303–309.
14. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / пер. с нем. А.Г. Чернякова. СПб., 2001. 445 с.
15. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени / пер. с нем. Е.В. Борисова. Томск: Водолей, 1998. 383 с.
16. Хайдеггер М. Проселок / пер. с нем. А.В. Михайлова // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. С. 4–7.
17. Хайдеггер М. Путь к языку / пер. с нем. В.В. Бибихина // Время и бытие. 1. С. 259–273.
18. Херрманн Ф.-В. фон. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля: пер. с нем. Минск, 2000. 192 с.
19. Эпштейн М. Язык бытия у А. Платонова // Вопросы литературы. 2006. № 2.
20. Heidegger M. Die Frage nach der Technik. Frankfurt am Main, 2000.

Сведения об авторе

Глушенкова Ольга Александровна – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: netzumi@mail.ru

DECONSTRUCTION OF LANGUAGE IN THE SOVIET MENTAL SPACE IN THE CONTEXT OF THE EXISTENTIAL «BEING TO DEATH» (BASED ON THE MATERIAL OF TEXTS BY A. PLATONOV)

O.A. Glushenkova

Abstract

The problem and the purpose of this study consist in the necessity to analyze the language features of A. Platonov's texts through the utopian problems of overcoming death by means of the deconstruction of the language. Language deconstruction in overcoming death is considered in the context of M. Heidegger's existential "Being to Death". The connection between A. Platonov and M. Heidegger is mentioned by M. Epshtein in the article «The language of life of Andrei Platonov» [19] emphasizing that it is Heideggerian metaphysics, and not the teachings of N. Fedorov, which is most fully capable of determining the intentions of Platonov's texts.

The methodology of the study is based on the contextual analysis method and the method of deconstruction.

Results. In the texts by Platonov there is a tendency to objectify the subject of activity from its material implementation, being-experience is separated from the process of dying. The denial of the personal "presence" of the characters at their own process of dying, their refusal to participate in this allow us to speak about the paradox of not realizing the basic existential of human existence, by means of which being-existential "Being to Death" is defined [Heidegger, 1997]. Thus, the rejection of its implementation not only allows us to overcome death as the only personal experience, but also creates a problem of simulation essence of being in the space of the Platonic text which opens the way to the further research in this field.

The conclusion. The utopian intention to overcome death in the texts of A. Platonov is realized not only through the plot, which is typical of his early stories, but also through the structure of the language, which is especially vividly shown in the controversial text of "Pit" [Platonov, 1990]. The deconstruction of the writer's language and the examination of the text through existentials popular in the early twentieth century, in this case, the existential "Being to Death", allows us to take a fresh look at the works of A. Platonov and the reality of politically ambivalent today the 20–30s of the XX century.

Key words: *A. Platonov, M. Heidegger, USSR, deconstruction, "Being to Death".*

Bibliograficheskiy spisok

1. Brel' S. Kul'turnye konteksty poehtiki «zhivogo» – «nezhivogo» A. Platonova // «Strana filosofov» Andrey Platonova: Problemy tvorchestva. M.: Nasledie, 2000. Vyp. 4. S. 239–245.
2. Kollontaj A. M. Novaya moral' i rabochij klass. M.: VCIK, 1919.
3. Kovtun N.V., Proskurina E.N., Vasil'ev I.E. Proekt pereustrojstva mira i russkaya proza nachala HKH veka (A. Bogdanov i A. Platonov) // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2013. № 2. S. 129–140.
4. Kovtun N.V. «Semejnyj vopros» v sovetskoj literature 1920–1930-h godov // Universalii kul'tury. Vyp. 2: Filosofiya – ehstetika – literatura: diskurs i tekst: sb. nauch. tr. Krasnoyarsk: SFU, 2009. S. 174–182.
5. Platonov A. P. Gosudarstvennyj zhitel': Proza, rannie soch., pis'ma. Minsk: Mastackaya literatura, 1990.
6. Platonov A.P. Dzhan. M.: Direkt-media, 2010.

7. Platonov A. Peschanaya uchitel'nica. M.: Sovremennik, 1990
8. Fedorov N.F. Iz materialov k tret'emu tomu «Filosofii obshchego dela». II Voprosy filosofii. 1993. № 1. S. 133–182.
9. Hajdegger M. Bytie i vremya. M.: Izdatel'stvo Ad Marginem, 1997. 452 s.
10. Hajdegger M. Vremya kartiny mira / Per. s nem. V.V.Bibihina // Vremya i bytie. S. 41–63.
11. Hajdegger M. Vopros o tekhnike / Per. s nem. V.V.Bibihina. // Vremya i bytie. S. 221–238.
12. Hajdegger M. Istok hudozhestvennogo tvoreniya / Per. s nem. A.V.Mihajlova // Hajdegger M. Raboty i razmyshleniya raznyh let. M.: Gnozis, 1993.
13. Hajdegger M. Moj put' v fenomenologiyu / per. s nem. V.V. Anashvili // Logos. 1995. № 6. S. 303–309.
14. Hajdegger M. Osnovnye problemy fenomenologii / per. s nem. A.G. Chernyakova. SPb., 2001. 445 s.
15. Hajdegger M. Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni / Per. s nem. E.V.Borisova. Tomsk: Vodolej. 383 s.
16. Hajdegger M. Proselok / per. s nem. A.V. Mihajlova // Hajdegger M. Raboty i razmyshleniya raznyh let. S. 4–7.
17. Hajdegger M. Put' k yazyku / per. s nem. V.V. Bibihina // Vremya i bytie. 1. C. 259–273.
18. Herrmann F.-V. fon. Ponyatie fenomenologii u Hajdeggera i Gusserlya: per. s nem. Minsk, 2000. 192 s.
19. Ehpshitejn M. Yazyk bytiya u A. Platonova // Voprosy literatury. 2006. № 2.
20. Heidegger M. Die Frage nach der Technik. Frankfurt am Main, 2000.

About the author

Olga Alexandrovna Glushenkova – post-graduate student, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Ada Lebedeva str., 660049, Russia; e-mail: netzumi@mail.ru